

КАНТ И АНАЛИЗ

М.Р. Левин¹, Т. Уильямсон²

В настоящем диалоге двух авторов, имеющих различные взгляды на анализ, философию и применение ярлыков, ведущим является вопрос: как следует понимать выражение «аналитическая философия»? Левин утверждает, что, поскольку не существует общепринятых принципов и методов так называемой «аналитической философии», это название должно быть заменено на более конкретное или от него следует отказаться. Уильямсон защищает использование этого словосочетания, утверждая, что оно вполне пригодно, так как относится к широкой традиции взаимовлияний и при этом даже не требует приверженности методу анализа в сколько-нибудь определенном смысле. Левин возражает, что в данном случае термин «аналитическая философия» слишком пуст. Это можно было бы исправить концептуальным анализом понятия «аналитическая философия», но тогда и Кант, для которого философия по своей сути аналитична, стал бы сторонником аналитической философии. Другой вариант – следовать идеалу Райла о свободном от ярлыков, когерентном и честном мышлении. Как утверждает Левин, взгляды Уильямсона, по меньшей мере частично, согласуются с концепцией Канта о различии между философией и историей философии, а также с эмпирическим анализом и лежащим в его основе эмпирическим реализмом. Уильямсон отвечает, что он использует понятие «аналитическая философия» в его нынешнем значении, которое не сводится к значениям понятий «аналитический» и «философия». Современное его применение отличается от прежних, и в этом виде оно не применимо к Канту. Уильямсон выступает против трансцендентального идеализма и грубого различения аналитического и синтетического, a priori и a posteriori, требующих обновления.

Ключевые слова: Кант, аналитическая философия, концептуальный анализ, лингвистический анализ, метафилософия, ярлыки в философии, философия философии, история философии, реализм, идеализм

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.

² Нью-колледж, Оксфордский университет, Великобритания, Оксфорд OX1 3BN.

Поступила в редакцию: 05.06.2023 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-3-3

KANT AND ANALYSIS

M. Lewin,¹ T. Williamson²

In the current dialogue between two authors with different views on analysis, philosophy, and the use of labels, the leading question is: How should one understand the expression 'analytic philosophy'? Lewin argues that as there are no generally agreed tenets and methods of what is being called 'analytic philosophy', the name is to be replaced by a more specific one or abandoned. Williamson defends the use of this phrase, claiming that it is quite serviceable, as it relates to a broad tradition of influence, while it is not even required to adhere to the method of analysis in any distinctive sense. Lewin counters that, in this case, 'analytic philosophy' is too empty. One could heal this by conceptual analysis of 'analytic philosophy' – but then Kant, for whom philosophy is inherently analytic, would be a proponent of analytic philosophy. Another option is to follow Ryle's ideal of a label-free, coherent and honest thinking. As Lewin argues, Williamson's views seem at least partially to agree with Kant's conception of the difference between philosophy and history of philosophy as well as empirical analysis and the underlying empirical realism. Williamson replies that he uses 'analytic philosophy' in its current meaning, which is not composed of the meanings of 'analytic' and 'philosophy'. The current use is different from the earlier ones and not applicable to Kant. He argues against the transcendental idealism and the coarse-grained distinction between analytic and synthetic and a priori and a posteriori that requires an update.

Keywords: Kant, analytic philosophy, conceptual analysis, linguistic analysis, metaphilosophy, labels in philosophy, philosophy of philosophy, history of philosophy, realism, idealism

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.

² New College, University of Oxford.

Oxford OX1 3BN, U.K.

Received: 05.06.2023.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-3-3

Вопрос «Что такое философия?» — один из основных вопросов в области метафилософии и один из самых сложных, со множеством взаимно несовместимых ответов. Является ли вопрос «Что такое аналитическая философия?» более простым? С одной стороны, он как бы сужает объект исследования, спрашивая, чем является эта конкретная часть философии. Однако с другой — он добавляет трудности, связанные с объяснением того, что такое «аналитическая» философия. В книге «Философия философии» Тимоти Уильямсон утверждает, что любая попытка оговорить смысл «аналитической философии» «не приведет ни к чему, кроме краткой терминологической путаницы» (Williamson, 2022, p. 23). В нынешнем диалоге Михаил Левин присоединяется к стремлению Гилберта Райла сделать философию независимой от ярлыков (см.: Ryle, 1937) и пытается использовать продуктивную силу терминологической запутанности. Задача открытой дискуссии между Левиным (далее — МЛ) и Уильямсоном (далее — ТУ) состоит в том, чтобы выявить для читателя способы обращения с выражением «аналитическая философия». Для того чтобы дискуссия была живой, мы отказались от предварительного тематического структурирования беседы и постарались избежать объемных ответов. С учетом этих целей мы также воздерживаемся от постструктурирования и представляем дискуссию в том виде, в котором она изначально велась. Дискуссия развивается в основном по следующим вопросам: означает понятие «аналитический» концептуальный анализ или лингвистический анализ / ни то, ни другое / и то, и другое? следует ли отказаться от выражения «аналитическая философия» или заменить его в свете последних тенденций в философии? если оно не отсылает к какому-либо конкретному набору принципов, то каков его референт? поддается ли термин «аналитическая философия» анализу? является ли Кант аналитическим философом, а Уильямсон — в некоторой степени кантианцем? или нам вообще стоит отказаться от использования ярлыков?

“What is philosophy?” is one of the main questions in the field of metaphilosophy and one of the most difficult, with a variety of mutually incompatible answers. Is “What is analytic philosophy?” a simpler question? On the one hand, it seems to narrow down the object of inquiry by asking what a specific part of philosophy is. But, on the other hand, it adds the difficulty of explaining what ‘analytic’ means. In *The Philosophy of Philosophy*, Timothy Williamson has claimed that any attempt to stipulate a sense for ‘analytic philosophy’ “will achieve nothing but brief terminological confusion” (Williamson, 2022, p. 23). In the current dialogue, Michael Lewin joins Gilbert Ryle’s (1937) quest for a label-independent philosophy and aims at using the productive power of terminological confusions. The task of the open debate between Lewin (henceforth ML) and Williamson (henceforth TW) is to reveal for the reader ways of approaching the expression ‘analytic philosophy’. In order to have a lively discussion, we have dispensed with thematic pre-structuring and tried to avoid lengthy answers. In view of these objectives, we have also refrained from post-structuring and present the debate in the way it originally took its course. The discussion roughly follows these questions: Does ‘analytic’ stand for ‘conceptual analysis’ or ‘linguistic analysis’, neither or both? Should the phrase ‘analytic philosophy’ be replaced or abandoned in light of recent developments? If it does not refer to any specific set of tenets, what is its referent? Is ‘analytic philosophy’ analysable? Is Kant an analytic philosopher and Williamson partially a Kantian? Or should one stop using labels?

ML: In *The Philosophy of Philosophy*, whose primary goal was to give a contemporary picture of analytic philosophy, you have claimed

МЛ: В книге «Философия философии», основной целью которой было представить современную картину аналитической философии, Вы утверждали, что «аналитическая философия» — это выражение в живом языке и что любая попытка оговорить ее смысл «не приведет ни к чему, кроме краткой терминологической путаницы» (Williamson, 2022, p. 23). В рамках этой полемики Вы обсуждали три постулата аналитической философии, сформулированные Даммитом: (1) структура мысли как объект анализа; (2) отделение исследования мысли от исследования психологического процесса мышления; (3) анализ языка как единственно верный метод (Ibid., p. 14–24; Dummett, 1978, p. 458). Утверждение состояло в том, что третий принцип исключает многих философов, считающих себя частью аналитической традиции после Фреге или рассматриваемых в этом качестве другими. Некоторые философы-аналитики хотят анализировать мысль напрямую, они отвергают лингвистический поворот и обходной путь через анализ языка. Зачастую они предпочитают говорить о понятиях, а не о словах. Понятия в этом смысле являются составными компонентами мысли с определенным концептуальным содержанием. Можно быть аналитическим философом, если принимать первые два постулата, но отвергать третий.

Но если согласиться с Вашими утверждениями, то не будет ли логичным предложить переименование и / или переструктурирование аналитической философии? Мы могли бы ввести название «аналитическая лингвистическая философия» в том случае, если все три постулата соблюдены и предполагается *метод лингвистического анализа*, и название «аналитическая концептуальная философия», когда третий постулат может быть отброшен и рассмотрен как возможное, но необязательное условие для осуществления *концептуального анализа*. Если же он требуется, то можно ввести дополнительные различия, ориентированные не на язык или концепты, а на что-то другое. В этом случае я вижу три варианта: названные таким образом

that ‘analytic philosophy’ is a phrase in a living language and that any attempt to stipulate a sense for it “will achieve nothing but brief terminological confusion” (Williamson, 2022, p. 23). As part of the argument, you have discussed Dummett’s three tenets of analytic philosophy: (1) structure of thought as the object of analysis; (2) separation of study of thought from the study of psychological process of thinking; and (3) analysis of language as the only correct method (see *ibid.*, pp. 14-24 and Dummett, 1978, p. 458). The claim was that the third tenet excludes many philosophers who regard themselves or who are being regarded by others as part of the analytic tradition after Frege. Some analytic philosophers want to analyse thought directly, they reject the linguistic turn and the detour through analysis of language. They often rather speak of concepts than words. Concepts are in this regard constituents of thought with a certain conceptual content. One can be an analytic philosopher if one accepts the first two tenets but rejects the third.

But if one agrees to what you say, would it not be consequential to suggest a re-naming and/or re-structuring of analytic philosophy? One could introduce the title ‘analytic linguistic philosophy’, if one keeps all three tenets and the method of *linguistic analysis* is intended, and the title ‘analytic conceptual philosophy’, if the third tenet can be dropped and regarded as a possible, but non-necessary condition for the practice of *conceptual analysis*. If it is required, one can bring in further distinctions that focus on something other than language or concepts. I see three options if one follows this proposal: the so-termed movements can be equal members of subdivision of analytic philosophy (coordination), or one suggests a hierarchy among them (subordination), or the superordinated term ‘analytic philosophy’ should be

направления могут быть равноправными членами подраздела аналитической философии (координация), либо между ними предполагается иерархия (субординация), либо от вышеупомянутого термина «аналитическая философия» следует отказаться и заменить его на более точные термины (замена). Неясно, почему мы должны держаться за название, которое описывает определенные принципы и практики в неясной и путающей форме.

ТУ: Мы можем выделить здесь несколько вопросов.

Во-первых, существует практическая проблема установления нового смысла выражения — в данном случае «аналитическая философия», — которое уже получило смысл в соответствующем речевом сообществе — в данном случае среди философов. Ни один человек не обладает такими полномочиями для этого, и даже скромное предложение вряд ли будет поддержано, учитывая силу инерции и разнообразие альтернативных предложений. Действительно, эффект от предложения Даммита о том, как разграничить «аналитическую философию», был незначительным. Попытки переформулировать это выражение почти наверняка окажутся тщетными.

Во-вторых, современный смысл термина «аналитическая философия» вполне пригоден. Он относится к широкой традиции с различными подтрадициями. Как и другие традиции, она развивалась со временем и объединялась не общими внутренними чертами (например, доктриной или методом), а историческими связями влияния (например, отношениями «учитель — ученик»). Хотя различие между «аналитической» и «неаналитической», или «континентальной», философией является грубым, содержащим множество пограничных случаев, оно обозначает заметный социологический раздел в профессии, который на протяжении почти столетия играл важную роль в понимании философами того, чем они

abandoned and completely replaced by more precise terms (replacement). It is not clear why we should adhere to a name that expresses certain tenets and practice in a vague and confusing manner.

TW: We can separate several questions here.

First, there is the practical issue of stipulating a new sense for an expression — in this case, ‘analytic philosophy’ — which already has a received sense in use by the relevant speech community — in this case, philosophers. No one person has the authority to make such a stipulation, and even a modest suggestion is unlikely to be followed, given the force of inertia and the variety of alternative suggestions. Indeed, the effect of Dummett’s proposal about how to delimit ‘analytic philosophy’ was negligible. Trying to redefine the phrase would almost certainly be futile.

Second, the current sense of the phrase ‘analytic philosophy’ is quite serviceable. It refers to a broad tradition, with various sub-traditions. Like other traditions, it has evolved over time, and is unified not by shared intrinsic features (for example, of doctrine or method) but by historical connections of influence (for example, the teacher-pupil relation). Although the distinction between ‘analytic’ and ‘non-analytic’ or ‘continental’ philosophy is rough, with many borderline cases, it marks an observable sociological divide in the profession, which for almost a century has played a major role in philosophers’ understanding of what they are doing and its likeness or unlikeness to what their contemporaries do; it is reflected in how they use the pronouns ‘us’ and ‘them’. A future historian of philosophy in this period who ignores that distinction will miss something in many philosophers’ self-understanding, and to that extent will be doing a poor job as a historian.

занимаются, и сходства или несходства этого с тем, чем занимаются их современники; это отражается в том, как они используют местоимения «мы» и «они». Будущий историк философии этого периода, игнорирующий это различие, упустит нечто в самовосприятии многих философов и, следовательно, окажется плохим историком. Несмотря на реальное сходство, я опасаясь применять это различие ретроспективно к более ранним периодам — до того, как философия разделилась таким образом, и до того, как философы мыслили в терминах этого разделения, например к Канту или Лейбницу, к Аристотелю или Платону.

В моем случае я, очевидно, принадлежу к традиции, обозначаемой как «аналитическая философия». К примеру, Майкл Даммит был моим научным руководителем на последнем году обучения в докторантуре в Оксфорде, а если взглянуть на библиографию и книжный указатель в любой из моих книг, то станет ясно, к каким философам я больше всего обращаюсь. И все же мое философское теоретизирование нельзя отнести к «анализу» в каком-либо полезном или отличительном смысле. Я редко ищущу необходимые и достаточные условия. Я нахожу попытки разделить истины на «аналитические» и «синтетические» или «концептуальные» и «эмпирические» глубоко ошибочными. Я больше не пытаюсь серьезно работать с термином «концепт», поскольку считаю выделение «концептов» безнадежно неясным. Если спросить: «Когда слово в одном контексте выражает то же понятие, что и слово в другом контексте?», то ответы в лучшем случае окажутся круговыми. Хотя я изучаю как мышление, так и язык, я отрицаю, что они исчерпывают объекты философии. Так, например, моральная философия занимается правильными или неправильными действиями, а не только словами «правильно» и «неправильно» или нашими понятиями «*правильно*» и «*неправильно*». Даже в логике мы изучаем само тождество, а не только символ « \Rightarrow » или наше понятие тожде-

Despite the genuine similarities, I am wary of applying the distinction retrospectively to earlier periods, for instance to Kant or Leibniz, or to Aristotle or Plato, before philosophy had split in that way, and before philosophers thought in terms of such a split.

In my case, I obviously belong to the tradition labelled 'analytic philosophy'. For example, Michael Dummett supervised me for the final year of my doctoral studies at Oxford, and a glance at the bibliography and index in any of my books will show which philosophers I most engage with. Yet my philosophical theorising cannot be classified as 'analysis' in any useful or distinctive sense. I rarely seek necessary and sufficient conditions. I find attempts to divide truths into the 'analytic' or 'conceptual' and the 'synthetic' or 'empirical' deeply misleading. I no longer try to do serious work with the term 'concept', because I take the individuation of 'concepts' to be hopelessly obscure: if you ask 'When does a word in one context express the same concept as a word in another context?', the answers you get are circular at best. Although I study both thought and language, I deny that they exhaust the objects of philosophy. For instance, moral philosophy concerns right or wrong actions, not just the words 'right' and 'wrong' or our concepts *right* and *wrong*. Even in logic, we study identity itself, not just the symbol '=' or our concept of identity. Many younger philosophers who think of themselves as 'analytic' accept such a broad view of the objects of philosophy.

As an epistemologist, I think and talk about thought, and find psychologists' studies of human thinking more relevant than Dummett would have considered them, because they curb epistemologists' tendency to privilege cognitive processes accessible to consciousness. Likewise, as a philosopher of language, I think and talk about language, and find lin-

ства. Многие молодые философы, считающие себя «аналитиками», принимают такой широкий взгляд на объекты философии.

Как эпистемолог, я думаю и говорю о мышлении и нахожу исследования психологов о человеческом мышлении более актуальными, чем считал Даммит, поскольку они сдерживают тенденцию эпистемологов ставить в приоритет когнитивные процессы, доступные сознанию. Аналогично, как философ языка, я думаю и говорю о языке и нахожу исследования лингвистов о человеческих языках более полезными, нежели Даммит, так как они часто замечают те сложности и аналогии с другими языками, которые упускают философы. Многие современные «аналитические» философы проявляют аналогичный интерес к психологии и лингвистике.

МЛ: Если выражение «аналитическая философия» относится скорее к исследовательской традиции или «мыслительному коллективу», чем к исследовательской программе с четко сформулированными исходными посылками, эвристиками, требованиями и целями, то наиболее адекватным будет рассматривать его как имя собственное. В случае имен собственных то, что обозначает, не всегда дает возможность сделать обоснованные выводы об обозначаемом (например, слово «Оксфорд» не дает представления о современном облике города) и зачастую может быть заменено на любое другое название, если это не противоречит законам, конвенциям и другим практическим соображениям. Если можно принадлежать к традиции, называемой «аналитической философией», не придерживаясь какой-либо особой теории «анализа», то изменение названия на «A-Phi» или даже «X2023» не причинит существенного вреда. Можно сформулировать правила корректного использования этих или любых других произвольно выбранных выражений. В предложении «Я — часть X2023» слово «X2023» означает «исторические связи влияний» (включая Фреге, Витгенштейна, Рассела, Куайна, Райла, Даммита и др.).

guists' studies of human languages more helpful than Dummett did, because they often notice complications, and points of comparison with other languages, that philosophers miss. Many other contemporary 'analytic' philosophers take a similar interest in psychology and linguistics.

МЛ: If the expression 'analytic philosophy' refers rather to a research tradition or a 'thought collective' than to a research programme with clearly formulated basic assumptions, heuristics, demands and goals, it is most adequate to regard it as a *proper name*. In case of proper names, the signifier does not always allow viable conclusions about the signified — for example, 'Oxford' does not give any idea of the current appearance of the city — and could often be replaced by any other name, if it would not conflict with laws, conventions and other practical reasons. If one can belong to the tradition called 'analytic philosophy' without adherence to any distinctive theory of 'analysis', a change of name into 'A-Phi' or even 'X2023' would not do any substantive harm. One can give rules for the correct use of these or any other arbitrarily chosen expressions. In the proposition 'I am a part of X2023', 'X2023' stands for "historical connections of influence" (including Frege, Wittgenstein, Russell, Quine, Ryle, Dummett etc.).

Of course, this renaming suggestion has little or no chance in the real world of going beyond a language game or a thought experiment. But it gives clues on the pros and cons of treating 'analytic philosophy' as a proper name. Above all, it points at the emptiness of the expression. Apart from neologisms, proper names and names in general have usually received their meanings from earlier communities of speakers. These meanings can be re-

Конечно, в реальном мире это предложение о переименовании имеет мало шансов выйти за рамки языковой игры или мыслительного эксперимента. Но оно позволяет оценить плюсы и минусы отношения к «аналитической философии» как к имени собственному. Прежде всего оно указывает на пустоту этого выражения. За исключением неологизмов, имена собственные и имена вообще обычно получают свои значения от прежних сообществ говорящих. Эти значения могут быть выявлены с помощью исторической морфологии, этимологии и прагматики³. Но, учитывая, что современное коммуникативное сообщество зачастую либо не знает, либо не заботится о том, каково было исходное означаемое, многообразие употреблений и контекстов использования языковых выражений постепенно опустошает эти прежние значения. Чем более удобным становится название «аналитическая философия», тем более пустым оно становится. А чем более пустым становится ярлык, тем легче его заменить или отменить.

Если выражение «аналитическая философия» — это всего лишь имя собственное, то его «диванный» анализ мало что дает. Можно утверждать, что его референтом является некая традиция, но и это уже слишком далекий путь, ведь «традиция» не выражена лингвистически и не содержится аналитически в этом названии. Если некоторые ученые хотят установить необходимую связь с этим референтом, они должны сделать ее лингвистически эксплицитной: «традиция аналитической философии». Как я уже предлагал в предыдущей части, они должны также четко указать, имеется ли в виду анализ языка или анализ понятий.

Возьмем противоположное утверждение: «аналитическая философия» — это словосочетание, лингвистически выражающее понятие аналитической философии, или аналитическая философия — это понятие (что, очевидно, является редукцией, так как помимо понятия

trieved via historical morphology, etymology and pragmatics.³ But given that the contemporary communication community often either does not know or care what the original signified is, the variety of uses and contexts of uses of linguistic expressions slowly hollow them out. The more serviceable the title 'analytic philosophy' becomes, the emptier it grows. The emptier a label is, the easier it can be replaced or dropped.

If the expression 'analytic philosophy' is only a proper name, its analysis from an armchair does not render much. One can state that its referent is a certain tradition, but even this goes too far, as 'tradition' is not linguistically expressed or analytically contained in this name. If some scholars want to establish a necessary link to this referent, they should make it linguistically explicit: 'the tradition of analytic philosophy'. As I have suggested in the previous part, they should also make explicit whether they mean analysis of language or analysis of concepts.

Consider an opposite claim: 'analytic philosophy' is a phrase that linguistically expresses a concept of analytic philosophy, or analytic philosophy is a concept (which obviously is a reduction, as beyond being concept it is also a set of words). This opens a variety of possible analyses of the concepts of analysis, philosophy, and analytic philosophy. If one follows this road, definite and useful results can be expected, even if they will contribute to disagreement.

In the preface to the second edition of *The Philosophy of Philosophy*, you have retrospectively mentioned that you did little to define the words 'concepts' and 'conceptual' and

³ В другом тексте я называю этот подход «оригинальным анализом» (см.: Lewin, 2023, S. 18–26).

³ Elsewhere I call this approach 'originalistic analysis' (see Lewin, 2023, pp. 18-26).

это еще и набор слов). Это открывает многообразие возможных анализов понятий «анализ», «философия», «аналитическая философия». Если следовать этому пути, то можно ожидать определенных и полезных результатов, даже если они приведут к разногласиям.

В предисловии ко второму изданию «Философии философии» Вы ретроспективно отмечаете, что Вы недостаточно определили слова «концепты» и «концептуальный» и что Вам хотелось бы заменить несколько отрывков, где Вы говорите о *концептах* или *концептуальных практиках*, на слова или *лингвистические практики* (Williamson, 2022, р. xxiv–xxvi). Не могли бы Вы пояснить разницу между словами и понятиями на примере выражения «аналитическая философия»? Считаете ли Вы его именем собственным? Вы отметили, что философия философии — это «“знание-сначала” эпистемология философии» (Williamson, 2011, р. 218). В соответствии со «знание-сначала» эпистемологией, то есть идеей о том, что категория знания не опирается на категорию мнения и должна иметь эпистемический и эвристический приоритет, «знание» не является концептом. Во всяком случае, не в том смысле, что оно состоит из множества блоков, которые могут быть проанализированы путем декомпозиции на концептуальные части, такие как обоснованное истинное мнение (Ibid., р. 209–211). Могли бы Вы утверждать нечто подобное в отношении термина «аналитическая философия», есть ли здесь структурное сходство?

ТУ: Словосочетание «аналитическая философия» — это сложное имя, но не имя собственное в обычном смысле, для которого парадигмы — это имена людей и мест. Точно так же выражение «неоготическая архитектура» не является именем собственным для традиции, зародившейся в XIX в. Как «неоготическая архитектура» не может быть адекватно определена необходимыми и достаточными условиями, относящимися к внутренним качествам зданий, так и «аналитическая философия» не

that you wished you had replaced several passages, where you spoke of *concepts* or *conceptual practices*, with *words* or *linguistic practices* (see Williamson, 2022, pp. xxiv–xxvi). Could you explain the difference between words and concepts using the expression ‘analytic philosophy’ as an example? Do you consider it to be a proper name? You have remarked that *The Philosophy of Philosophy* is a “knowledge first epistemology of philosophy” (Williamson, 2011, р. 218). Following the *knowledge first epistemology* — i.e., the idea that the category of knowledge does not rest on the category of believing and must be given epistemic and heuristic priority — ‘knowledge’ is not a concept. At least not in the sense that it consists of multiple blocks that can be analysed in terms of a decomposition into the conceptual parts, such as justified, true, and belief (*cf. ibid.*, pp. 209–211). Would you argue for something similar regarding the term ‘analytic philosophy’, is there any structural similarity?

TW: The phrase ‘analytic philosophy’ is a complex noun but not a proper name in the normal sense, for which the paradigms are names of people and places. Likewise, the phrase ‘neo-Gothic architecture’ for a tradition beginning in the nineteenth century is not a proper name. Just as ‘neo-Gothic architecture’ cannot be adequately defined by necessary and sufficient conditions on the intrinsic qualities of buildings, so ‘analytic philosophy’ cannot be adequately defined by necessary and sufficient conditions on the intrinsic qualities of works of philosophy. Replacing the phrase ‘analytic philosophy’ or ‘neo-Gothic architecture’ by an arbitrary label would just be confusing. ‘Immanuel Kant’ really is a proper name, but replacing it by an arbitrary label

может быть адекватно определена необходимыми и достаточными условиями, относящимися к внутренним качествам философских работ. Замена фразы «аналитическая философия» или «неоготическая архитектура» произвольным ярлыком приведет лишь к путанице. «Иммануил Кант» — это действительно имя собственное, но замена его произвольным ярлыком будет путать не меньше. Подобные термины обретают свою когнитивную полезность не за счет строгих определений, а за счет того, что ассоциируются с большими массивами информации, варьирующимися от говорящего к говорящему. По причинам, объясненным Солом Крипке в работе «Именованное и необходимость» (Kripke, 1980), роль этой информации заключается не в определении имени, эксплицитном или имплицитном. Термины не пусты, поскольку они связаны со сложной сетью исторических связей: «аналитическая философия» — с философской традицией, «неоготическая архитектура» — с архитектурной традицией, «Иммануил Кант» — с человеком. Термины позволяют нам передавать другим информацию об их референтах, обсуждать ее, не соглашаться с ней и т.д.

Из всего этого не следует, что такие термины не выражают понятий. Согласно привычному представлению о понятиях, сложные понятия в конечном счете строятся из простых или атомарных понятий. Таким образом, даже если выражение не поддается строгому определению в более простых терминах, оно все равно может выражать простое понятие. В частности, даже если «аналитическая философия», «неоготическая архитектура», «Иммануил Кант» и «знание» не могут быть строго определены в более простых терминах, мы все равно можем иметь понятия «аналитическая философия», «неоготическая архитектура», «Иммануил Кант» и «знание».

Однако я не нахожу такое постулирование понятий информативным. Что нужно для того, чтобы два человека выразили одно и то же понятие термином «аналитическая философия»?

would be equally confusing. Such terms gain their cognitive utility not by having strict definitions but by being associated with large bodies of information, varying from speaker to speaker. For reasons explained by Saul Kripke (1980) in *Naming and Necessity*, the role of that information is *not* to define the name, explicitly or implicitly. The terms are not empty, because they refer via a complex network of historical links — ‘analytic philosophy’ — to a tradition of philosophy, ‘neo-Gothic architecture’ to a tradition of architecture, and ‘Immanuel Kant’ to a person. The terms enable us to communicate associated information about their referents to others, or to discuss it, or disagree about it, or whatever.

None of this immediately implies that those terms do not express concepts. On a familiar view of concepts, complex concepts are ultimately built out of simple or atomic concepts. Thus, even if an expression is not strictly definable in simpler terms, it may still express a simple concept. In particular, even if ‘analytic philosophy’, ‘neo-Gothic architecture’, ‘Immanuel Kant’, and ‘knowledge’ are not strictly definable in simpler terms, we might still have concepts of analytic philosophy, neo-Gothic architecture, Immanuel Kant, and knowledge.

However, I don’t find such a postulation of concepts illuminating. What would it take for two people to express the same concept by the term ‘analytic philosophy’? If that requires them to associate the term with exactly the same information and inferential dispositions, then a shared concept is not needed for communication and disagreement with the term, and concepts start to look like idle wheels. If they are required only to share a privileged core of information and inferential disposi-

Если для этого необходимо, чтобы они ассоциировали этот термин с совершенно одинаковой информацией и инференциальными диспозициями, то для коммуникации и несогласия с термином не требуется общего понятия, а понятия начинают выглядеть как неработающие колеса. Если же от них требуется только разделять привилегированное ядро информации и инференциальных диспозиций, то мы фактически проводим различие между аналитическим и синтетическим. В книге «Философия философии» я подробно доказываю, что любая попытка проведения полезного разграничения по такому принципу терпит поражение.

МЛ: Если бы «аналитическая философия» не была именем собственным, присвоенным только одной конкретной традиции влияний, то она обозначала бы множество аналитических философий. Но «аналитическая философия» ни выражает в лингвистическом плане указания на определенную дисциплину, направление или традицию, ни позволяет сделать какой-либо определенный вывод о единичности или множественности на стороне референта. В соответствии со стандартной семиотической триадой границы лингвистического анализа термина «аналитическая философия» простираются до пределов синтаксического, семантического и прагматического анализов. Нефилософски настроенный лингвист может вывести из выражения «аналитическая философия», что существует философия с предикатом «аналитический», и искать значения этих слов в словарях. Философская семантика и концептуальный анализ предоставляют более обширный объем информации. Записи в философских словарях и энциклопедии содержат еще более масштабные результаты мыслительной деятельности. Их разнообразие побуждает мыслить самостоятельно, то есть самостоятельно анализировать объект философского интереса, а не просто опираться на уже готовый анализ. Совокупность мыслей, относящихся к объекту исследования, по праву обозначается исконно латинским словом «концепт» (*conceptus* — от лат. «помысленный вместе»).

tions, we are in effect making a distinction between the analytic and the synthetic. In *The Philosophy of Philosophy*, I argue at length that any attempt to make a useful distinction along such lines breaks down.

ML: If ‘analytic philosophy’ were not a proper name that was given to only one specific tradition of influence, it would denote multiple analytic philosophies. But ‘analytic philosophy’ neither linguistically expresses a reference to a certain discipline, direction, or tradition, nor allows any certain conclusion about singularity or plurality on the side of the referent. Following the standard semiotic triad, the limits of linguistic analysis of the term ‘analytic philosophy’ go as far as the limits of syntactical, semantical, and pragmatic analyses. The non-philosophical armchair linguistic analyst can derive from the expression ‘analytic philosophy’ that there is a philosophy with the predicate ‘analytic’ and look up the meaning of these words in dictionaries. Philosophical semantics and conceptual analysis provide a more extensive body of information. Entries in philosophical dictionaries and encyclopaedia contain further reaching results of thinking activity. Their diversity motivates one to think for oneself, i.e., to analyse the object of philosophical interest on one’s own, not simply to rely on the ready-performed analysis. The sum of thought related to an object of inquiry has been rightfully signified by the originally Latin word ‘concept’ (*conceptus*, thought together).

Let us take the Kantian method as an example, which is close to what you refer to as a “familiar view of concepts”. Kant would classify the concept of analytic philosophy (the referent of the linguistic expression ‘analytic philosophy’) as a problematically *given* con-

Возьмем в качестве примера кантовский метод, близкий к тому, что Вы называете «привычным взглядом на понятия». Кант отнес бы понятие аналитической философии (референт языкового выражения «аналитическая философия») к числу проблематически *данных* понятий⁴. Это важный шаг, который имеет два основных следствия. Во-первых, то, что зафиксировано как заданное и оговорено как объект концептуального анализа, не может быть изменено в процессе анализа. Анализ — это иная задача, чем *анализ понятия аналитической философии*. Во-вторых, данность означает, что нечто является уже готовым, фактом (*factum*), тем, что эпистемические агенты наблюдают как целое до того, как узнают его части. Планета, часовой механизм, понятие философии предстают как данные единства — если человек не создал или не изобрел их сознательно из частей или не присутствовал при их создании или изобретении (статусом соответствующих понятий чувственных и нечувственных объектов было бы «сделанные понятия»). Формулировка этих двух следствий в виде правил выглядела бы следующим образом: (1) не изменять произвольно исходный объект анализа в процессе анализа; (2) деконструировать готовое целое на части для его познания, если вы не являетесь его изобретателем, творцом, выдумщиком и т.д.

Если под философским вопросом «Что такое аналитическая философия?» понимать «Какова традиция аналитической философии?», то это нарушает правило (1), а если к понятию аналитической философии доба-

cept.⁴ This is an important step that has two major consequences. Firstly, something that is captured as given and stipulated as the object of conceptual analysis cannot be altered throughout the process of analysis. The analysis of the *concept of tradition of analytic philosophy* is a different task than the analysis of the *concept of analytic philosophy*. Secondly, ‘given’ means that something is ready-made, a *factum*, something that epistemic agents observe as a whole prior to knowing its parts. A planet, a clockwork, and the concept of philosophy appear as given unities — if one has not consciously created or invented them out of parts or has been present during their creation or invention (the status of corresponding concepts of sensual and non-sensual objects would be ‘made concepts’). A formulation of both consequences in form of rules would look as follows: (1) Don’t arbitrarily alter the initial object of analysis during the process of analysis. (2) Deconstruct the ready-made whole into parts to cognise it, if you are not its inventor, creator, fictioneer etc.

If by the philosophical question ‘What is analytic philosophy?’ one means ‘What is the tradition of analytic philosophy?’, one breaks the rule (1); and if one adds the predicate ‘tradition’ to the concept of analytic philosophy, one synthesises and breaks the rule (2). Imagine a situation, where a philosopher designates a cer-

⁴ Данные понятия являются либо эмпирическими (цветок, планета, стол), либо чистыми (добродетель, философия, юриспруденция, бесконечность Вселенной); концептуальные знаки первых эксплицируются, вторых — экспонируются. В случае данных понятий «целое предшествует частям» (AA 24, S. 845). Философия для Канта — это «основанное на разуме познание... из понятий» (A 837 / B 865; Кант, 2006а, с. 1049). Объектом ее метода, концептуального анализа, являются данные понятия. Они подлежат проблематизации. Философы не «создают» концепты: ни интуитивно, в чистой интуиции (например, треугольник), ни изобретая вещи и соответствующие им концепты (например, летательный аппарат). См.: (Lewin, 2021; 2022; McAndrew, 2022; Ciatello, 2018; Beck, 1956).

⁴ Given concepts are either empirical (flower, planet, table) or pure (virtue, philosophy, jurisprudence, infinity of the universe) — the conceptual marks of the former are being explicated, of the latter: expounded. In case of given concepts, “the whole precedes the parts” (*V-Lo/Wiener*, AA 24, p. 845; Kant, 1992, p. 299). Philosophy, for Kant, is “rational cognition [...] from concepts” (*KrV*, A 837 / B 865; Kant, 1998, p. 693). The object of its method, conceptual analysis, are given concepts. They are to be problematised. Philosophers do not ‘make’ concepts: they neither intuit concepts in pure intuition (e.g., triangle) nor invent things and corresponding concepts (e.g., flying machine). See Lewin (2022) and (2021), McAndrew (2022), Ciatello (2018), and Beck (1956).

вить предикат «традиция», то это синтез и нарушение правила (2). Представьте себе ситуацию, при которой философ называет некую комбинацию мыслей «аналитической философией», «феноменологией» или «трансцендентальной философией». Предикат «традиция» не является необходимой аналитической частью этих понятий. Итог кантовского анализа понятия «аналитическая философия» будет следующим: согласно правилу (2), единственно верный способ заниматься философией — это анализ. Задача философа — ставить вопросы, проблематизировать и обсуждать объекты, которые представляются как данность, а не наивно принимать их такими, какие они есть, или произвольно изобретать, конструировать, заниматься «поэзией понятий», как в изречении Карнапа. Философия необходимо и неотъемлемо аналитична. Поэтому выражение «аналитическая философия» эксплицирует присущее философии свойство и ничего нового в понятие философии не вносит. От него можно отказаться.

Разумеется, можно оправдать явное использование прилагательного «аналитический» исторически и социологически: определенный мыслительный коллектив по различным причинам должен был упомянуть «аналитический» в качестве демаркационного знака. С этой перспективы можно было бы назвать аналитическую философию «простым понятием», как Вы предлагаете. Я предлагаю выражение «упрощенное понятие», поскольку понятие само по себе не является простым или сложным (откуда мы знаем, является ли «аналитическая философия» простым или сложным понятием?), но *использование* понятия может ассоциироваться с богатым или редуцированным набором мыслей. Это может зависеть и от контекста коммуникации: в вводных курсах по философии упрощенные понятия часто оказываются более уместными, чем усложненные изложения понятийного содержания. Различение упрощенных и сложных понятий аналитической философии может быть полезно и

tain combination of thoughts by ‘analytic philosophy’, ‘phenomenology’, or ‘transcendental philosophy’ — the mark ‘tradition’ is not a necessary analytic part of these concepts. The upshot of the Kantian analysis of the concept of analytic philosophy would be the following: According to the rule (2), the only correct way to do philosophy is analysis. The task of the philosopher is to question, problematise and discuss objects that appear as given, not to naively accept them as they are or arbitrarily invent, construct, or perform ‘concept-poetry’, as in Carnap’s dictum. Philosophy is necessarily and inherently analytic. Hence, in the expression ‘analytic philosophy’, ‘analytic’ explicates an intrinsic feature of philosophy and adds nothing new to the concept of philosophy. It can be dropped.

Of course, one can justify the explicit use of the adjective ‘analytic’ historically and sociologically: a certain thought collective had for various reasons to mention ‘analytic’ as a demarcation mark. In this perspective, one could consider calling analytic philosophy a ‘simple concept’, as you suggest. I propose the expression ‘simplified concept’, because a concept is not simple or complex *per se* (how do we know whether ‘analytic philosophy’ is a simple or a complex concept?), but *the use* of a concept can be associated with a rich or reduced variety of thoughts. This may also depend on the context of communication: In introductory courses to philosophy, simplified concepts are often more in place than complex expositions of conceptual contents. The distinction between simplified and complex concepts of analytic philosophy may also be useful for classificatory purposes. One cannot subsume Kant’s critical philosophy under analytic philosophy, if ‘analytic philosophy’ expresses a simplified concept and refers to a tradition of influence. In this light, your wariness in the first response is justified.

для целей классификации. Не стоит относить критическую философию Канта к аналитической философии, если «аналитическая философия» выражает упрощенное понятие и отсылает к традиции влияния. В этом смысле настоятельность, высказанная Вами в первом ответе, оправданна. Но «аналитическая философия» может использоваться и как сложное данное понятие, содержащее богатую комбинацию мыслей. Кант дает ясное содержательное описание анализа и философии и строго следует аналитическому методу, но ни то ни другое не является необходимым для того, чтобы он стал или мог быть классифицирован как философ-аналитик. Я тоже — с некоторыми модификациями — в своих исследованиях частично применяю кантовский метод и дополняю его лингвистическим анализом, но я не являюсь философ-аналитиком. Не является ли это парадоксальным и несколько несправедливым?

ТУ: Мое замечание о том, что «аналитическая философия» не является именем собственным в обычном смысле слова, носит чисто грамматический характер. Это выражение все еще обозначает одну конкретную философскую традицию. Это идиома, в том смысле что ее стандартное значение не складывается из стандартных значений слов «аналитический» и «философия». В этом отношении она похожа на технический термин «современная философия», значение которого не складывается из стандартных значений слов «современный» и «философия», поскольку он не применяется к философии нынешнего века; у меня на столе лежит книга «Поздняя современная философия: важные материалы с комментариями» (*Late Modern Philosophy...*, 2007), в которой представлены тексты от Джона Локка до Мэри Уолстонкрафт. Когда я использую словосочетание «аналитическая философия», я не изменяю произвольно или иным образом тему исследования, я просто использую это выражение в его нынешнем значении. Возвращение к тому значению, которое оно имело, ска-

But 'analytic philosophy' can also be used as a complex given concept that contains a rich combination of thoughts. Kant gives a clear substantive account of analysis and philosophy and strictly follows an analytic method, while both are not necessary to become or be classified as an analytic philosopher. I also — with some modifications — partially apply the Kantian method in my inquiries and complement it with a linguistic analysis, but I am not an analytic philosopher. Is not this paradoxical and somewhat unfair?

TW: My point that 'analytic philosophy' is not a proper name in the usual sense is just a grammatical one. The phrase still designates one particular tradition of philosophy. It is an idiom, in the sense that its standard meaning is not composed from the standard meanings of the words 'analytic' and 'philosophy'. In that respect it is like the technical term 'modern philosophy', whose meaning is not composed from the standard meanings of the words 'modern' and 'philosophy', since it does not apply to the philosophy of the present century; I have on my desk a book titled *Late Modern Philosophy: Essential Readings with Commentary* (Radcliffe, et al., 2007), in which the readings run from John Locke to Mary Wollstonecraft. When I use the phrase 'analytic philosophy', I'm not altering the topic of inquiry, arbitrarily or otherwise, I'm simply using the phrase with its current meaning. Reverting to the meaning it had in the 1930s, say, would be changing the subject. If one wanted to discuss Kant's understanding of analysis — which was not even what most of those who self-identified as 'analytic philosophers' in the 1930s had in mind — it would be best to do so directly, not by hijacking the phrase 'analytic philosophy'.

Perhaps we can make more progress by discussing the analytic/synthetic distinction.

жем, в 1930-е гг., было бы изменением предмета. Если кто-то хочет обсудить понимание анализа Кантом — а ведь большинство из тех, кто в 1930-е гг. называл себя «философами-аналитиками», вовсе не это имели в виду, — то лучше всего сделать это напрямую, а не перехватывать фразу «аналитическая философия».

Вероятно, мы можем добиться больших успехов, обсуждая различие между аналитическим и синтетическим.

МЛ: Тот факт, что я не являюсь аналитическим философом, не делает меня континентальным философом — мои интуиции и аргументы против навешивания ярлыков схожи с позицией Гилберта Райла в работе «Принятие сторон в философии» (Ryle, 1937). По мнению Райла, которое недавно подверг сомнению Глок (Glock, 2008, р. 5–9), рациональные стандарты *когерентного и честного мышления* — это необходимые и достаточные условия для занятия философией. Приверженность «измам» и школам является «мизософской» по ряду причин, таких как неясность принципов и догматов, значимость сомнения в философии, логическая обоснованность частей, а не целого, необходимость обоснования, что позволяет отдавать аргументам приоритет перед позицией и делает философов «соадьютантами в споре» (Ryle, 1937, р. 327). Чем более убедительными философ считает эти положения, тем меньше ему хочется носить на себе бремя ярлыка «аналитической философии» или любого другого ярлыка, будь то «кантианец», «феноменолог», «континентальный философ», «релятивист», «экстерналист» и т.д.

Если анализ выражения «аналитическая философия», ставшего популярным с конца 1940-х гг. (Glock, 2008, р. 44), не воспроизводит его современного значения, то это еще один веский аргумент против его использования. Рассмотрим, к примеру, еще одну часто и инерционно закрепляемую этикетку — «немецкий идеализм». Иронично, но он был придуман противниками идеализма примерно в 1840 г. (Hiltscher, Breitenstein, 2011, S. 70–71). Применене-

МЛ: That I am not an analytic philosopher does not also make me a continental philosopher — I have intuitions and arguments against labelling, which are similar to Gilbert Ryle (1937) in “Taking Sides in Philosophy”. On Ryle’s view — recently questioned by Glock (2008, pp. 5-9) —, the rational standards of *thinking coherently and honestly* are the necessary and sufficient conditions for doing philosophy. Cleaving to ‘isms’ and schools is ‘mizosophical’ for a number of reasons, such as: unclear tenets and principles, importance of doubt in philosophy, logical validity of parts rather than of the whole, and the need for justification, which enables one to give arguments priority over position-taking and makes philosophers “coadjutors in dispute” (Ryle, 1937, p. 327). The more one finds such points persuasive, the less one wants to bear the burden of the label ‘analytic philosophy’ or any other label, be it ‘Kantian’, ‘phenomenologist’, ‘continental philosopher’, ‘relativist’, ‘externalist’ etc.

If analysis of the phrase ‘analytic philosophy’, that has become popular since the late 1940s (see Glock, 2008, p. 44), does not render its current meaning, it is a further valid argument against its use. Consider, for example, another frequently and inertially affixed etiquette: ‘German Idealism’. Ironically, it was invented by adversaries of idealism around 1840 (*cf.* Hiltscher and Breitenstein, 2011, pp. 70-71). It is an example of intellectual crudity to apply it to J.G. Fichte, who argued for a mixture of realism and idealism — yet he is a German philosopher, and idealism is part of his doctrine. However, if one does not even have to be a ‘champion in analysis’⁵ to be an analytic philosopher, the label is utterly misleading.

⁵ In analogy to Ryle’s formulation “champion of an ‘ism’” (Ryle, 1937, p. 322, *cf.* pp. 318 and 324).

ние его к И.Г. Фихте, выступавшему за смешение реализма и идеализма, является примером интеллектуальной грубости — и тем не менее он немецкий философ, частью учения которого является идеализм. Однако если для того, чтобы быть аналитическим философом, даже не обязательно быть «чемпионом по анализу»⁵, то этот ярлык вводит в заблуждение.

Отказ от таких ярлыков, как «аналитический философ» и «трансцендентальный философ», может также привести к удивительным и плодотворным открытиям⁶. В работе «Занимаясь философией» Вы утверждаете, что в некоторых философских работах размыта грань между изложением исторической позиции и утверждением ее в качестве *истинной*: «Когда вы читаете: “Мы не способны познать вещи-сами-по-себе”, то остается неясным, утверждает ли автор, что *Кант считал*, что мы не можем познать вещи-сами-по-себе, или же он на самом деле поддерживает точку зрения Канта, утверждая в своей собственной речи, что мы не можем познать вещи-сами-по-себе» (Williamson, 2018, p. 99). На самом деле Кант разделил бы ваше беспокойство: чисто историческое познание философии привело бы к «гипсовым слепкам» (A 836 / B 864; Кант, 2006а, с. 1047) существующих философских фигур. Напротив, философское познание и философская история философии (Кант называет ее также «философской археологией» (AA 20, S. 341; см. Lewin, 2022, p. 343–345) — в истории философии можно найти мыслительные артефакты, которые могли быть порождены собственным разумом) предполагают критическое осмысление и переоценку существующих понятий и их анализов. Следовательно,

⁵ По аналогии с формулировкой Райла «чемпион “изма”» (Ryle, 1937, p. 322, ср.: p. 318, 324).

⁶ Важно не то, что человек с предикатом «аналитический философ», «трансцендентальный философ», «философ-мужчина», «философ-женщина», «философ XVIII в.», «философ с принадлежностью к X в стране Y», «нефилософ» и т.д. высказал важную мысль, важен хороший, честный и последовательный вклад в конкретные рациональные дискурсы. Мне кажется, что эта идея по крайней мере частично согласуется и с тем, что можно найти в Ваших работах.

Dropping such labels as ‘analytic philosopher’ and ‘transcendental philosopher’ may also lead to surprising and fruitful discoveries.⁶ In *Doing Philosophy* you hold that there is a line between putting forward a historical position and putting it forward as *true*, which is blurred in some philosophical writings: “When you read, ‘We cannot know things in themselves’, it is left unclear whether the writer is just claiming that *Kant thought that* we cannot know things in themselves, or is actually endorsing Kant’s view by claiming in his own voice that we cannot know things in themselves” (Williamson, 2018, p. 99). In fact, Kant would share your worry: a merely historical cognition of philosophy would lead to “plaster casts” (cf. *KrV*, A 836 / B 864; Kant, 1998, p. 693) of existing philosophical figures. On the contrary, philosophical cognition and philosophical history of philosophy (Kant also calls it “philosophical archeology” (*FM/Lose Blätter*, AA 20, p. 341; Kant, 2002a, p. 417; cf. Lewin, 2022, pp. 343–345) — one finds thought artefacts in the history of philosophy that could have been produced by one’s own reason) involves critical examination and reassessment of existing concepts and their analyses. Consequentially, the ideal philosopher establishes a philosophy according to an individual plan, and accepts only such concepts, terms, premises, and conclusions that were personally developed or proven and recognised as true. A follower of ‘transcendental philosophy’ or ‘analytic philosophy’ may benefit in different respects from the

⁶ Whether or not a person with the predicate ‘analytic philosopher’, ‘transcendental philosopher’, ‘male philosopher’, ‘female philosopher’, ‘a philosopher from the eighteenth century’, ‘a philosopher with the affiliation X in the country Y’, ‘non-philosopher’ etc. has had a great thought is not what matters — what matters are good, honest, and coherent contributions to particular rational discourses. I think this idea is also at least partially compatible with what one finds in your works.

идеальный философ создает философию по индивидуальному плану и принимает только те понятия, термины, предпосылки и выводы, которые были им лично разработаны или доказаны и признаны истинными. Последователь «трансцендентальной философии» или «аналитической философии» может получать различную пользу от соответствующего коллектива мыслителей со сложившимся стилем мышления и при этом испытывать интеллектуальную неудовлетворенность.

Как уже отмечалось выше, для Канта философия по своей сути аналитична — задача философа состоит не в синтезе, а в исследовании данных понятий. Тем не менее он не назвал свой проект «аналитической философией» или «трансцендентальной аналитической философией», возможно, по причинам, сходным с теми, которые Вы приводите в нашей текущей дискуссии и в своих работах. Пропозиция «Марс всегда был либо сухим, либо несухим», как Вы пишете в «Философии философии», относится к факту, а не к слову «Марс» или понятию Марса (Williamson, 2022, p. 25–49). Это, как можно утверждать, то, о чем необходимо напоминать лингвистическим и концептуальным аналитикам. Если пропозиция не содержит никаких знаков, оправдывающих немедленный переход к металингвистическим или метаконцептуальным исследованиям, то необходимость такого перехода можно поставить под сомнение. Я не думаю, что это противоречит одной из сторон кантовской эпистемологии — эмпирическому реализму⁷. Аналитическое суждение «золото — желтый металл» (см.: AA 04, S. 267; Кант, 1994, с. 19) относится в первую очередь к золоту и его свойству «желтый», актуальному для химиков, ювелирной и металлургической промышленности, а не к понятиям и языковым выражениям.

⁷ С этой позицией Кант связывает следующие принципы: пространство и время — формы интуиций рассудка, непосредственность внешнего восприятия, реализм в отношении явлений, а не вещей-самих-по-себе (см.: A 370; Кант, 2006б, с. 465). Я не буду вступать в большую экзегетическую дискуссию, поскольку это не соответствует цели данной статьи.

corresponding thought collective with an established thought style, and yet be intellectually dissatisfied.

As mentioned above, for Kant philosophy is inherently analytic — the philosopher’s task is not to synthesise, but to examine given concepts. Nevertheless, he did not label his project ‘analytic philosophy’ or ‘transcendental analytic philosophy’, perhaps for reasons that are similar to the ones you present in our current discussion and in your works. The proposition ‘Mars was always either dry or not dry’, as you have claimed in *The Philosophy of Philosophy*, is about the matter of fact, not about the word ‘Mars’ or the concept of Mars (cf. Williamson, 2022, pp. 25-49). This is, as one may argue, something that linguistic and conceptual analysts need to be reminded of. If a proposition does not contain any indicators that legitimate an immediate transition to metalinguistic or metaconceptual investigations, the need for such a transition can be questioned. I do not think that it stands in conflict with *one side* of the Kantian epistemology: *empirical realism*⁷. The analytic judgement ‘gold is a yellow metal’ (see *Prol*, AA 04, p. 267; Kant, 2002b, p. 62) is about gold, in the first place, and the property ‘yellow’ that is relevant for chemists, the jewellery and metal industry, not about concepts and linguistic expressions.

Kant classifies ‘gold is a yellow metal’ as an analytic *a priori* judgement (cf. *ibid.*). *A priori* does not mean experience-free in this case, it just means that I need no *further* experience to analyse it, because experience that I *already possess* is sufficient for my logical operation from an armchair. Whether the material of my judge-

⁷ The tenets that Kant associates with this position are: space and time are forms of sensible intuitions, immediacy of outer perception, realism about appearances — not about things in themselves (cf. *KrV*, A 370; Kant, 1998, pp. 426-427). I will not engage in large exegetical discussions as it does not correspond to the purpose of the current article.

Кант относит «золото — желтый металл» к аналитическим априорным суждениям (Ibid.). Априорность в данном случае означает не свободу от опыта, а лишь то, что для его анализа мне не нужен *дополнительный* опыт, поскольку для моих диванных логических операций достаточно того опыта, который я уже имею. Является ли материал моего суждения эмпирическим или неэмпирическим, не имеет значения для причисления суждения к аналитическим априорным (там же; A 8 / B 11–12; Кант, 2006а, с. 61–63), — критерием выступает принцип противоречия. Это согласуется с Вашими взглядами (развиваемыми в главах о метафизических и эпистемологических концепциях анализа, см.: Williamson, 2022, р. 50–74 и 75–135), что аналитические истины, так же как и синтетические, требуют лингвистической и концептуальной компетенции, основанной на опыте, и в этом отношении философия не отличается от других наук.

Несмотря на трудности, которые влечет за собой разграничение аналитического и синтетического (как об этом говорится в «Философии философии»), Вы полагаете, что возражения Куайна (см.: Куайн, 2000) недостаточны для того, чтобы подорвать «аналитическую философию». Во-первых, философские истины «обычно не являются истинами о словах или понятиях» (Williamson, 2022, р. 50), а во-вторых, аналитические исследования не отделяют учебного от области опыта. Аналитико-синтетическое разграничение переосмысливается как важный инструмент в арсенале аналитического философа, который можно применять от случая к случаю, а не как нечто, исчерпывающее методологию аналитической философии. Это похоже на процедуру в трансцендентальной философии. Можно читать методологические замечания Канта, «Учение о методе» из первой «Критики», регулярно посещать лекции по логике, чтобы понять его теорию анализа понятий и уметь ею пользоваться. Однако это «знание что» не присутствует явно, когда он проводит анализ таких понятий, как разум, категорический императив, философия. Более того,

ment is empirical or non-empirical is irrelevant for the classification of a judgement as analytic *a priori* (cf. *ibid.* and also *KrV*, A 8 / B 11-12; Kant, 1998, 131) — the touchstone is the principle of contradiction. This is in line with your views (developed in chapters on metaphysical and epistemological conceptions of analysis — cf. Williamson, 2022, pp. 50-74 and 75-135) that analytic truths, just as synthetic ones, require linguistic and conceptual competence based on experience — philosophy is not different from other sciences in this respect.

Despite the difficulties that the analytic-synthetic distinction entails (as discussed in *The Philosophy of Philosophy*), you suggest that the Quinean objections (cf. Quine, 1951) do not suffice to undermine ‘analytic philosophy’. Firstly, philosophical truths “are not generally truths about words or concepts” (Williamson, 2022, p. 50) and secondly, engaging in analytic investigations does not separate a scholar from the realm of experience. The analytic-synthetic distinction is reinterpreted as an important instrument in the toolbox of the analytic philosopher that can be put to use occasionally, not something that exhausts the methodology of analytic philosophy. This is similar to the procedure in transcendental philosophy. One can read Kant’s methodological remarks, the “Doctrine of Method” of the first *Critique*, and regularly hold lectures on logic to understand his theory of conceptual analysis and be able to use it. However, this ‘knowledge that’ is not explicitly present when he performs analysis of such concepts as reason, the categorical imperative, and philosophy. Furthermore, one can find equivalents to the topics that constitute the wider picture of philosophical knowledge that you give in *The Philosophy of Philosophy* (modality, thought experiments, evidence, knowledge maximisation) in Kant’s works. They are, nevertheless, at least mediately related to the analytic-synthetic distinction.

в работах Канта можно найти эквиваленты тем, составляющих более широкую картину философского знания, которую Вы приводите в «Философии философии» (модальность, мыслительные эксперименты, доказательство, максимизация знания). Тем не менее они имеют как минимум опосредованное отношение к аналитико-синтетическому различению.

Несмотря на это сходство, я вижу противоречие с *другой стороной* кантовской эпистемологии — *трансцендентальным (формальным) идеализмом* (А 490—491 / В 518—520; Кант, 2006а, с. 681). Кант опровергает идеализм, утверждающий несуществование внешнего мира («материальный идеализм» — см.: Там же; В 274—279; Кант, 2006а, с. 369) или протяженных в пространстве и времени вещей («эмпирический идеализм» — см.: А 490—491 / В 518—520; Кант, 2006а, с. 679—681), осуждает платоновский интуитивистский «мечтательный идеализм» (АА 04, р. 294; Кант, 1994а, с. 143), но придерживается трансцендентального идеализма как дополняющей стороны эмпирического реализма. Если не существует прямого доступа к вещам-самим-по-себе, то эпистемическим агентам доступны только явления. Доступность означает, что явления существуют в их сознании в виде репрезентаций (ощущений, интуиций и понятий) и не могут быть поняты иначе. Но не все репрезентации относятся к явлениям. Что-то в реальном мире соответствует репрезентациям планеты Марс и металла золота, тогда как Бог, бесконечность вселенной, разум, идеи дружбы, добродетели, свободы, мудрости, философии не «являются» (практические идеи проявляются лишь частично через действия субъекта, см.: А 328 / В 384—385; Кант, 2006а, с. 495). Поэтому Кант вводит учение о «предмете вообще», или «трансцендентальном предмете» (см. в нашем контексте: А 494—477 / В 522—525; Кант, 2006а, с. 653—655), которое объединяет как эмпирические понятия, так и чистые понятия, отказываясь от традиционной онтологии. Чистые понятия поддаются анализу, даже если их объекты не даны в ощущениях, так же как и эмпирические понятия поддаются

Despite these resemblances, I see a tension with the *other side* of the Kantian epistemology: *transcendental (formal) idealism* (cf. *KrV*, A 490-491 / B 518-520; Kant, 1998, p. 511). Kant refutes idealism that claims non-existence of the outer world ('material idealism' — cf. *ibid.* and *KrV*, B 274-279; Kant, 1998, pp. 326-329) or of extended things in space and time ('empirical idealism' — cf. *KrV*, A 490-491 / B 518-520; Kant, 1998, p. 511), and denounces the Platonic intuitivist 'dreaming idealism' (cf. *Prol*, AA 04, p. 294; Kant, 2002b, p. 88), but holds to transcendental idealism as a complementary side to empirical realism. If there is no direct access to things in themselves, only appearances are available to epistemic agents. Being available means that they are entertained in their minds as representations (sensations, intuitions, and concepts), and could not be made intelligible otherwise. But not all representations concern appearances. Something in the real world corresponds to representations of the planet Mars and the metal gold, while God, infinity of the universe, reason, ideas of friendship, virtue, freedom, wisdom, and philosophy do not 'appear' (practical ideas appear only partially through the subject's actions — cf. *KrV*, A 328 / B 384-385; Kant, 1998, p. 402). Hence, Kant introduces the doctrine of the 'object in general' or 'transcendental object' (cf. in our context *KrV*, A 494-477 / B 522-525; Kant, 1998, pp. 513-514), which unites both empirical concepts and pure concepts and renounces the traditional ontology. Pure concepts are analysable, even if their objects are not given in the senses, just as empirical concepts are analysable, because they represent appearances and not things in themselves. Pure concepts require different heuristics and analytic method, which Kant calls 'exposition' (intensional and extensional analysis of conceptual marks) in contrast to 'explication' or 'clarification' (the method val-

анализу, поскольку они отображают явления, а не вещи сами по себе. Чистые понятия требуют иной эвристики и аналитического метода, который Кант называет «экспозицией» (интенциональный и экстенциональный анализ понятийных знаков) в отличие от «экспликации» или «прояснения» (метод, применимый к эмпирическим понятиям)⁸. Похоже, что это большой пробел в рецепции Канта ранними философами-аналитиками, и я не нахожу следов данной теории и в Вашей работе.

ТУ: Вы правы в том, что в своих работах я не занимаюсь Кантом. У меня нет желания углубляться в бесконечные дебри кантовской герменевтики; я с удовольствием предоставлю другим блуждать в них. Насколько мне известно, меня никогда не обвиняли в трансцендентальном идеализме. Что касается более общей идеи о том, что «эпистемическим агентам доступны только явления» (по Вашим словам), то она находит отголоски в работах некоторых современных аналитических эпистемологов, считающих, что наши перцептивные свидетельства состоят только из явлений, которые могут быть как достоверными, так и нет. Я критикую эту точку зрения в работе «Знание и его пределы». Видеть, что кошка лежит на коврике, — это форма знания о том, что кошка лежит на коврике, а не просто знание о том, что *вам кажется*, что кошка лежит на коврике. Пока кошка действительно не лежит на коврике, вы не знаете, что она лежит на коврике.

Категории «кошка» и «коврик», очевидно, далеки от фундаментальных. Употребление нами слов «кошка» и «коврик» зависит от многих случайностей человеческой культуры. Мы вполне могли бы не делать коврики и не держать домашних кошек. Но это не означает, что кошки и коврики *нереальны*. Это лишь означает, что теории фундаментальной физики или

⁸ О теории определений Канта см.: (Beck, 1956). Недавнюю краткую реконструкцию см.: (McAndrew, 2022, p. 11–16), а попытки применить метод экспозиции к кантовским понятиям разума и философии см.: (Lewin, 2021; 2022).

ид for empirical concepts).⁸ It seems to be a big gap in the Kant reception by the early analytic philosophers and I do not find traces of this theory in your work either.

TW: You are right that my writings don't engage with Kant's. I have no wish to be drawn into the endless maze of Kant hermeneutics; I happily leave others to wander there. To my knowledge, I've never been accused of transcendental idealism. As for the more general idea that 'only appearances are available to epistemic agents' (in your words), it has echoes in work by some contemporary analytic epistemologists, who hold that our perceptual evidence comprises only appearances, which may or may not be veridical. I criticise that view in *Knowledge and its Limits*. Seeing that the cat is on the mat is a form of knowing that the cat is on the mat, not just of knowing that *it appears to you that* the cat is on the mat. Unless the cat really is on the mat, you don't know that it is on the mat.

The categories of cat and mat are obviously far from fundamental. Our use of the words 'cat' and 'mat' depends on many contingencies of human culture. We could easily not have made mats or kept pet cats. But that does not mean that cats and mats are *unreal*. It just means that theories of fundamental physics or metaphysics won't talk specifically about cats or mats. The claim that there *merely appears* to be a cat on a mat entails that there is *no* cat on a mat, which is false.

Naturally, illusions sometimes occur. It could have looked just as if there were a cat on a mat even if there was no cat and no mat. But that does not show that we do not *actually* see, and know, that the cat is on the mat. Some

⁸ For Kant's theory of definitions see Beck (1956). For a recent short reconstruction see McAndrew (2022, pp. 11–16), and for attempts to deploy the method of exposition to Kant's concepts of reason and philosophy see Lewin (2021; 2022).

метафизики не будут говорить конкретно о кошках или ковриках. Утверждение, что кошка на коврике *только явление*, подразумевает, что никакой кошки на коврике *нет*, что ложно.

Естественно, иллюзии иногда возникают. Нам могло бы казаться, что на коврике лежит кошка, даже если бы не было ни кошки, ни коврика. Но это не означает, что мы *на самом деле* не видим и не знаем, что кошка лежит на коврике. Некоторые философы до сих пор требуют базового уровня доказательности, при котором иллюзий не бывает, а видимость совпадает с реальностью. Такой базовый эпистемический уровень был бы прозрачен для агента. Иногда в этой роли выступают сами явления, утверждая, что они являются тем, чем кажутся. Однако в книге «Знание и его пределы» я подробно доказываю, что такого прозрачного уровня не существует. Даже явления не всегда таковы, какими кажутся. Они не обладают особой эпистемической привилегией. Какова была бы позиция Канта по этим вопросам, я не берусь определить.

Другой вопрос касается различия между априорным и апостериорным, которое, как известно, является центральным в мышлении Канта. Как Вы отмечаете, априорное суждение вовсе не предшествует любому опыту — опыт нужен, чтобы понять слова, в которых оно сформулировано. Но для анализа аналитического априорного суждения и, следовательно, для познания его истинности, как Вы утверждаете, никакого *дальнейшего* опыта не требуется. Проверить эту мысль можно на примере. Английские слова *furze* [дрок] и *gorse* [утесник] — это синонимы, два естественных термина, обозначающие один и тот же вид кустарника, не имеющие различий в сопутствующих описаниях. Если угодно, эти два слова выражают одно и то же понятие. Теперь мы можем ввести новый термин — *flurze*, используя определение *flurze* — *furze in flower* [flurze — это дрок в цвету] (в одни сезоны кустарник цветет, в другие — нет). Таким образом, по композиционной семантике два предложения *Flurze is furze* [flurze — это дрок] и *Flurze is gorse* [flurze — это

philosophers still demand a base level of evidence where illusions cannot occur, and appearance must coincide with reality. Such an epistemic base level would be transparent to the agent. Appearances themselves are sometimes cast in that role, with the claim that they are just what they appear to be. However, in *Knowledge and its Limits*, I argue in detail that there is no such transparent level. Not even appearances are always just as they appear to be. They have no special epistemic privilege. Where Kant might stand on those issues is not for me to determine.

Another issue concerns the distinction between the *a priori* and the *a posteriori*, famously central to Kant's thinking. As you note, an *a priori* judgment is not prior to *all* experience — one needs experience to understand the words in which it is formulated. But no *further* experience is needed, you say, to analyse an analytic *a priori* judgment, and so, presumably, to know its truth. We can test that picture against an example. The English words 'furze' and 'gorse' are *synonyms*, two natural kind terms for exactly the same kind of shrub, with no difference in associated descriptions. If you like, the two words express the same concept. Now we can introduce a new term, 'flurze', by the definition 'flurze is furze in flower' (in some seasons the shrub is in flower, in others not). Thus, by compositional semantics, the two sentences 'Flurze is furze' and 'Flurze is gorse' are synonymous, since they differ only by a substitution of synonymous constituents. For friends of analyticity, 'Flurze is furze' is trivially analytic, since it just means 'Furze in flower is furze', so 'Flurze is gorse' is analytic too, since they have the same meaning and the analyticity of a sentence is supposed to be a function of its meaning. But a competent speaker of English could understand the words 'furze' and 'gorse' by normal standards without realising that they are synonymous, or even that they co-refer.

утесник] синонимичны, так как отличаются только заменой синонимичных составляющих. Для друзей аналитизма *Flurze is furze* [flurze — это дрок] тривиально аналитично, поскольку означает просто *Furze in flower is furze* [цветущий дрок — это дрок], так что и *Flurze is gorse* [flurze — это утесник] аналитично, так как они имеют одинаковое значение, а аналитичность предложения, как считается, зависит от его значения. Но грамотный носитель английского языка может понять слова *furze* [дрок] и *gorse* [утесник] по нормальным стандартам, не осознавая, что они являются синонимами или даже что они соотносимы. В детстве говорящий выучил эти слова независимо друг от друга, в разных случаях, когда ему показывали примеры. Во взрослом возрасте, забыв большинство деталей процесса обучения, говорящий сохранил лишь точно такие же перцептивно-рецептивные опции для случаев, связанных с этими словами, и те же связанные с ними неметалингвистические описания. Единственное оставшееся различие — чисто формальное, между самими словами. В соответствии с нормальными лингвистическими стандартами говорящий владеет обоими словами. Тем не менее у него может возникнуть сомнение: а что, если вид, который ему показали при обучении слову *furze* [дрок], хотя и выглядит в общем так же, как кустарник, который ему показали при обучении слову *gorse* [утесник], неуловимо отличается от него? Ввиду этого сомнения говорящий не согласится с утверждением *Flurze is gorse* [flurze — это утесник], поскольку не согласится с утверждением *Furze in flower is gorse* [дрок — это цветущий утесник]. Чтобы разрешить это сомнение, ему потребуется *дополнительный опыт*, например общение с экспертами-ботаниками. Но *Flurze is gorse* [flurze — это дрок] все равно аналитично даже в идиолекте невежественного говорящего, потому что семантического различия между *furze* [дрок] и *gorse* [утесник] нет и в его идиолекте. Простая картина аналитических суждений как априорных слишком упрощена, чтобы разрешать подобные трудности. Эпистемическая прозрачность на уровне понятий не более доступна, чем на уровне явлений.

As a child, the speaker learnt the words independently of each other, on separate occasions, by being shown examples. As an adult, having forgotten most of the details of the learning process, the speaker retains only exactly similar perceptual-recognitional capacities for instances of the kinds associated with the words, and the same associated non-metalinguistic descriptions. The only residual difference is purely formal, between the words themselves. By normal linguistic standards, the speaker is competent with both words. Nevertheless, they might harbour a doubt: what if the kind they were shown when taught 'furze' was subtly different from, though of the same general appearance as the shrub they were shown when taught 'gorse'? In view of this doubt, the speaker will not assent to 'Flurze is gorse', since they will not assent to 'Furze in flower is gorse'. To resolve the doubt, they would need *further experience*, perhaps of interaction with expert botanists. But 'Flurze is gorse' is still analytic, even in the ignorant speaker's idiolect, because there is no semantic difference between 'furze' and 'gorse' even in their idiolect. The simple picture of analytic judgments as *a priori* is too simple to resolve such difficulties. Epistemic transparency is no more available at the level of concepts than it is at the level of appearances.

I've already expressed scepticism about the distinction between the analytic and the synthetic. Examples like that with 'furze' and 'gorse' reinforce such scepticism. They also reinforce my scepticism about the distinction between the *a priori* and the *a posteriori* — not so much about its *coherence* as about its *depth*. In a series of exchanges with Paul Boghossian of New York University, *Debating the A Priori* (Boghossian and Williamson, 2020), I develop an argument that the *a priori* — *a posteriori* distinction is superficial, failing to cut at an epistemological joint, because some clear cases of a

Я уже высказывал скептическое отношение к различию между аналитическим и синтетическим. Такие примеры, как с *furze* и *gorse*, усиливают этот скептицизм. Они также усиливают мое скептическое отношение к различию между априори и апостериори — не столько в отношении его *когерентности*, сколько в отношении его *глубины*. В серии обменов мнениями с Полом Богосяном из Нью-Йоркского университета «Дебаты об априори» (Boghossian, Williamson, 2020) я развиваю аргумент, что различие между априори и апостериори является поверхностным, неспособным преодолеть эпистемологический узел, так как некоторые явные случаи априорного знания имеют ту же эпистемологическую структуру, что и некоторые явные случаи апостериорного знания, — точно так же, как различие между красными и некрасными велосипедами является поверхностным с точки зрения инженера, поскольку некоторые явно красные велосипеды имеют ту же инженерную конструкцию, что и некоторые явно зеленые велосипеды. В эпистемологическом случае такая ситуация возникает для суждений, которые мы делаем, применяя к гипотетическим случаям распознавательные способности, откалиброванные предыдущим опытом; случайные особенности суждений делают одни из них априорными, а другие — апостериорными с точки зрения традиционных допущений, несмотря на общую когнитивную структуру.

Эти два различия (аналитическое — синтетическое и априорное — апостериорное) были достаточно прочными, чтобы способствовать прогрессу во времена Канта и в течение некоторого времени после него. Но это не означает, что они должны быть основополагающими навсегда.

Заключительное размышление: три дисциплины, близкие к обсуждаемой нами проблематике, — это логика, лингвистика и психология. Каждая из них со времен Канта претерпела прогрессивные изменения, не имеющие аналогов. Разве не было бы странно и печально, если бы только философия не продвинулась вперед?

priori knowledge have the same epistemological structure as some clear cases of *a posteriori* knowledge — just as the distinction between red bicycles and non-red bicycles is superficial from an engineer's perspective, because some clearly red bicycles have the same engineering structure as some clearly green bicycles. In the epistemological case, this situation arises for judgments we make by applying recognition-capacities calibrated by earlier experience to hypothetical cases; incidental features of the judgments make some look *a priori* and others *a posteriori* on traditional assumptions, despite the shared cognitive structure.

The two distinctions (analytic — synthetic and *a priori* — *a posteriori*) were robust enough to facilitate progress in Kant's day and for some time thereafter. But that does not mean that they must be foundational forever.

A concluding reflection: Three disciplines close to the issues we have been discussing are logic, linguistics, and psychology. Each of them has been transformed in progressive ways out of all recognition since Kant's day. Would it not be both strange and sad if philosophy alone had made no such progress?

Conclusion

The purpose of the discussion was to lay bare different ways of approaching the phrase 'analytic philosophy'. As the discussion has shown, the presented terminological options are dependent on answers to the broader question: 'How should we do philosophy?' Lewin and Williamson hold different views on that.

Lewin believes that philosophy is best done from the standpoint of a radically autonomous epistemology, which includes striving for independence from existing labels, traditions,

Заклучение

Цель этой дискуссии состояла в том, чтобы изложить различные варианты подхода к выражению «аналитическая философия». Как показала дискуссия, представленные терминологические варианты зависят от ответа на более широкий вопрос: «Как стоит заниматься философией?». Левин и Уильямсон придерживаются разных взглядов на этот вопрос.

Левин убежден, что философией лучше всего заниматься с позиции радикально автономной эпистемологии, предполагающей стремление к независимости от существующих ярлыков, традиций и авторитетов. Ни один влиятельный ученый, ни одна группа философов, предлагающих и создающих школы и ярлыки, не может претендовать на обладание единой и окончательной философской методологией. Кантианская точка зрения используется не как последнее слово, а как шаг к осознанию альтернативной последовательной методологии работы со словом и понятием. Общая стратегическая цель состояла в том, чтобы показать, что отказ от словосочетания «аналитическая философия» или его трансформация — это полезный шаг на пути к радикально автономному мышлению.

Уильямсон не согласен с позицией, что отказ от выражения «аналитическая философия» или его трансформация необходимы. Он отделяет вопрос о легитимности этого словосочетания от вопроса о том, как заниматься философией. Уильямсон утверждает, что «аналитическая философия» отсылает к широкой традиции влияния и получает свое значение от соответствующего речевого сообщества. Историк философии, который игнорирует различие между «аналитической философией» и «континентальной философией», упустил бы нечто, относящееся к самосознанию многих философов, и плохо справился бы с ролью историка. Тем не менее приверженность выражению «аналитическая философия» не обязывает философа придерживаться определенного набора принципов или методологии, которая мо-

and authorities. Neither any particular influential scholar nor any group of philosophers who propose and establish schools and labels can claim to be in possession of one ultimate philosophical methodology. The Kantian perspective is not used as the last-word-speaking position, but as a move to make us aware of an alternative consistent methodology of working with words and concepts. The overall strategic goal was to show that dropping or transforming the phrase 'analytic philosophy' is a beneficial step on the way to a radically autonomous thinking.

Williamson does not agree that dropping or transforming the phrase 'analytic philosophy' is necessary. He separates the question of legitimacy of the phrase from the question of how to do philosophy. Williamson argues that 'analytic philosophy' refers to a broad tradition of influence and has received its meaning from the relevant speech community. A historian of philosophy who ignored the distinction between 'analytic philosophy' and 'continental philosophy' would miss something that belongs to a self-understanding of many philosophers and would do a poor job as a historian. Nevertheless, holding on to the phrase 'analytic philosophy' does not oblige a philosopher to cleave to a specific set of tenets or to a methodology that can be classified as 'analysis' in any distinctive sense. The analytic-synthetic and the *a priori-a posteriori* distinctions — although they may have been good enough in Kant's day and for some time thereafter — are far from being clear enough to serve as cornerstones of contemporary epistemology or philosophy of language.

Acknowledgements: Michael Lewin's research was supported by the Russian Federal Academic Leadership Programme Priority 2030 at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

жет быть классифицирована как «анализ» в каком-то определенном смысле. Аналитико-синтетическое и априорно-апостериорное различия — хотя они, возможно, были вполне хороши во времена Канта и в течение некоторого времени после него — далеко не так ясны, чтобы служить краеугольными камнями современной эпистемологии или философии языка.

Благодарности. Исследование Михаила Левина было поддержано Федеральной программой «Приоритет 2030» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 5—152.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006а. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006б. Т. 2, ч. 2.

Куйин У.В.О. Две догмы эмпиризма / пер. Т.А. Дмитриева. М. : Логос, 2000.

Beck L.W. Kant's Theory of Definitions // The Philosophical Review. 1956. Vol. 65, № 2. P. 179—191.

Boghossian P., Williamson T. Debating the A Priori. Oxford : Oxford University Press, 2020.

Cicatello A. Der seltsame Fall der 'Gegebenen Begriffe' bei Kant // Natur und Freiheit: Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses / hrsg. von V.L. Waibel, M. Ruffing, D. Wagner. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2018. S. 1183—1190.

Dummett M. Truth and Other Enigmas. L. : Duckworth, 1978.

Glock H.-J. What is Analytic Philosophy? Cambridge : Cambridge University Press, 2008.

Hiltscher R., Breitenstein P.H. Deutscher Idealismus // Philosophie / hrsg. von P.H. Breitenstein, J. Rohbeck. Stuttgart : J.B. Metzler, 2011. S. 69—85. doi: 10.1007/978-3-476-00402-4_5.

Kripke S. Naming and Necessity. Oxford : Blackwell, 1980.

Late Modern Philosophy: Essential Readings with Commentary / ed. by E. Radcliffe, R. McCarty, F. Allhoff, A. Vaidya. Oxford : Blackwell, 2007.

Lewin M. Kant's Metaphilosophy // Open Philosophy. 2021. Vol. 4, № 1. P. 292—310. doi: 10.1515/opphil-2020-0190.

References

Beck, L.W., 1956. Kant's Theory of Definitions. *The Philosophical Review*, 65(2), pp. 179-191.

Boghossian, P. and Williamson, T., 2020. *Debating the A Priori*. Oxford: Oxford University Press.

Cicatello, A., 2018. Der seltsame Fall der 'Gegebenen Begriffe' bei Kant. In: V.L. Waibel, M. Ruffing and D. Wagner, eds. 2018. *Natur und Freiheit: Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 1183-1190.

Dummett, M., 1978. *Truth and Other Enigmas*. London: Duckworth.

Glock, H.-J., 2008. *What is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press.

Hiltscher, R. and Breitenstein, P.H., 2011. Deutscher Idealismus. In: P.H. Breitenstein and J. Rohbeck, eds. 2011. *Philosophie*. Stuttgart: J.B. Metzler, pp. 69-85. https://doi.org/10.1007/978-3-476-00402-4_5.

Kant, I., 1992. *The Vienna Logic*. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J.M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 250-377.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002a. *Jottings for the Progress of Metaphysics*. In: I. Kant. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath, translated by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 413-424.

Kant, I., 2002b. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science*. In: I. Kant. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath, translated by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 49-169.

Kripke, S., 1980. *Naming and Necessity*. Oxford: Blackwell.

Lewin, M., 2021. Kant's Metaphilosophy. *Open Philosophy*, 4(1), pp. 292-310. <https://doi.org/10.1515/opphil-2020-0190>.

Lewin, M., 2022. The Faculty of Ideas. Kant's Concept of Reason in the Narrower Sense. *Open Philosophy*, 5(1), pp. 340-359. <https://doi.org/10.1515/opphil-2022-0203>.

Lewin, M., 2023. *Metaphilosophie als einheitliche Disziplin*. Berlin: Springer & Metzler. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-66704-0>.

Lewin M. The Faculty of Ideas. Kant's Concept of Reason in the Narrower Sense // *Open Philosophy*. 2022. Vol. 5, № 1. P. 340–359. doi: 10.1515/opphil-2022-0203.

Lewin M. *Metaphilosophie als einheitliche Disziplin*. Berlin : Springer & Metzler, 2023. doi: 10.1007/978-3-662-66704-0.

McAndrew M. Kant's Theory of Concept Formation and his Theory of Definitions // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 2022. doi: 10.1515/agph-2020-9002.

Ryle G. Taking Sides in Philosophy // *Philosophy*. 1937. Vol. 12, № 47. P. 317–332.

Williamson T. Knowledge First Epistemology // *The Routledge Companion to Epistemology* / ed. by S. Bernecker, D. Pritchard. L. ; N.Y. : Routledge, 2011. P. 208–218.

Williamson T. *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford : Oxford University Press, 2018.

Williamson T. *The Philosophy of Philosophy*. Hoboken ; Chichester : Wiley-Blackwell, 2022.

Об авторах

Михаил Романович Левин, доктор философии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: MLewin@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5097-5725>

Тимоти Уильямсон, доктор философии, профессор, Нью-колледж, Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания.

E-mail: timothy.williamson@philosophy.ox.ac.uk

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4659-8672>

О переводчике

Полина Руслановна Левин, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PBonadyseva1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2388-5441>

Для цитирования:

Левин М.Р., Уильямсон Т. Кант и анализ // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 3. С. 49–73.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-3-3

© Левин М.Р., Уильямсон Т., 2023.

McAndrew, M., 2022. Kant's Theory of Concept Formation and his Theory of Definitions. *Archiv für Geschichte der Philosophie*. <https://doi.org/10.1515/agph-2020-9002>.

Radcliffe, E., McCarty, R., Allhoff, F. and Vaidya, A. eds., 2007. *Late Modern Philosophy: Essential Readings with Commentary*. Oxford: Blackwell.

Ryle, G., 1937. Taking Sides in Philosophy. *Philosophy*, 12(47), pp. 317-332.

Quine, W.V.O., 1951. Two Dogmas of Empiricism. *Philosophical Review*, 60(1), pp. 20-43.

Williamson, T., 2011. Knowledge First Epistemology. In: S. Bernecker and D. Pritchard, eds. 2011. *The Routledge Companion to Epistemology*. London & New York: Routledge, pp. 208-218.

Williamson, T., 2018. *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford: Oxford University Press.

Williamson, T., 2022. *The Philosophy of Philosophy*. Second Edition. Hoboken and Chichester: Wiley-Blackwell.

The authors

Dr Michael Lewin, Academia Kantiana, Baltic Federal Immanuel Kant University, Kaliningrad, Russia.

E-Mail: MLewin@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5097-5725>

Prof. Dr Timothy Williamson, New College, University of Oxford, Oxford, United Kingdom.

E-Mail: timothy.williamson@philosophy.ox.ac.uk

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4659-8672>

To cite this article:

Lewin, M. and Williamson, T., 2023. Kant and Analysis. *Kantian Journal*, 42(3), pp. 49-73.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-3-3>

© Lewin M., Williamson T., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))